

революцией и закономерно выливается в контрреволюционную реставрацию.

Рассмотрение путей развития и смены общественно-экономических формаций позволяет заключить, что масштаб международного общения представляет собой одну из важнейших характеристик системы производительных сил, а его тип системы производственных отношений. Противоречия между производительными силами и производственными отношениями, а так же основной классовый антагонизм любой эксплуататорской формации складываются и разрешаются в масштабе всемирной истории соответствующей эпохи. Масштабом международного общения в каждую эпоху определяется критерий революционности и контрреволюционности тех или иных событий, движений, режимов.

Г.Хавеман
(Германия)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ РАЗЪЕДИНЕННЫХ НЕМЦЕВ

Я очень рада провести эти дни среди вас, рада еще и потому, что не нужно слушать праздничные умоляющие речи политиков о немецком единстве, которое многие и западные, и восточные немцы примерно в таком же темпе разлюбили, в каком три года назад вдруг полюбили. Я рада, что вместо этого могу участвовать в процессе развивающегося единства научной школы, горизонт которой с самого начала был мировым, как в отношении пространства, так и времени (в отличие от горизонта "архитекторов" и "строителей" немецкого единства). Я подчеркиваю это и потому, что для почитаемых немецких авторитетов в области социологии, мир вне Германии и Европейского сообщества, как мне кажется, вообще не существует или, по крайней мере, оказывается маргинальной для теории величиной. Разумеется, они затрагивают те процессы, которые сегодня наблюдаются в наших странах: спад производства и разрушение народных хозяйств, рост националистических

настроений и вспышки национальных конфликтов и т.д. Но все это воспринимается скорее как печальное наследие социализма, если не как сама его сущность, открывшаяся после краха фасада. Это хорошо вписывается в наименьший общий знаменатель, в тихий консенсус почти всех научных и политических лагерей Западной Германии в самосознание, самовосприятие своего типа общества как современного ("modern Gesellschaft") в отличие от несовременного, досовременного, традиционного общества, которое только что рухнуло на Востоке. Поэтому бывшим соцстранам предстоит модернизация, причем запаздывающая, догоняющая модернизация всех сфер жизни. В бывшей ГДР этот процесс идет практически как простое перенесение готовых экономических и политических структур ФРГ. Наглядные последствия этого помимо "победы демократии", роста бюрократии и действительно большей защищенности индивидуальных прав людей таковы: деиндустриализация целого ряда регионов (например, в Саксонии промышленное производство сокращено почти на 50%) сопровождающаяся массовой безработицей, особенно среди молодежи (в августе число безработных достигло 1 млн., что составляет 14% работоспособного населения, не считая 1,8 млн. "скрытых" безработных). Продолжается миграция рабочей силы, особенно молодежи, в западные земли (за последние три года - около 1 млн. человек). Сокращается также сельскохозяйственное производство около 15% угодий по велению Европейского сообщества выведены из оборота. Ликвидируются научные учреждения, целые университеты и вузы, театры и дома культуры, молодежные клубы и оркестры, детские сады и т.д. Но люди еще не ощутили в полной мере последствий этого процесса. Материальный ущерб, наносимый таким "разматыванием", до определенной степени компенсируется высокой покупательной способностью немецкой марки и хорошей системой социальной защиты, завоеванной профсоюзами ФРГ в прошлые десятилетия. Это, однако, временные "тормоза" процесса, чреватого массой социально-взрывчатых моментов, что уже сейчас проявляется в растущем правом экстремизме среди молодежи.

Не менее существенным является еще один момент, на который пока не обратили должного внимания. Речь идет о массовом обесценивании жизненного опыта и самосознания людей вследствие господствующей трактовки истории ГДР как сплошной чертовщины, как восход и закат тоталитарной диктатуры.

После лишения нас рабочих мест вследствие ликвидации нашего экономического вуза, мы с двумя коллегами решили провести исследование процесса объединения Германии с точки зрения того, как бывшие граждане ГДР, оставшиеся в стране, воспринимают процесс объединения, как ведут себя в этом процессе, как они воспринимают самих себя, своих западных и восточных современников, какие потрясения происходят в личном, групповом, национальном и общественном самочувствии людей в новой для них ситуации, как они уступают или сопротивляются лицемерию братьев и сестер с Запада по отношению к "досовременному осси".

Можно с уверенностью предположить, что большинство будет идти (вынужденно или добровольно) по более простому пути быстрого приспособления к новым условиям новым господам под флагом национализма, пытаясь вытеснить, забыть прошлый опыт, отречься от собственной жизни и прежнего группового самочувствия, чтобы подчеркнуть свою, конечно, прежде "подавляющуюся" индивидуальность. Поэтому особый интерес для нас представляют те, кто ведет себя по-другому, скрыто или открыто сопротивляется ликвидации коллективной памяти.

Для исследования указанных выше проблем была избрана группа молодых берлинцев в возрасте 25-35 лет, имеющих университетское или вузовское образование и представляющих самые разные профессии (от сотрудницы сберкассы и инженера до художницы и бывшего сотрудника службы госбезопасности). Их формально объединяет то, что все они социализированы в ГДР, не выехали из страны и достаточно молоды для того, чтобы иметь альтернативу выбора дальнейшего жизненного пути. Исследователи опирались на выработанный в рам-

как так называемого "качественного исследования" биографический метод, который сильно отличается от преобладающих в ФРГ количественных, статистических методов эмпирической социологии. Подход заключается в том, чтобы исследовать текст биографии, рассказанной самим автором в процессе интервью с ним без всяких заранее подготовленных вопросов и при возможно минимальном воздействии исследователя на ход логики рассказчика. Цель состоит в том, чтобы узнать, как человек сам видит свою историю, других людей, какую он создает картину мира, какие темы, события, проблемы он считает значимыми для себя, и какие вообще отсутствуют у него, о чем он молчит. Важно и то, в каком порядке он излагает свою историю, что просто описывает, а что аргументирует.

Цель теоретической реконструкции полученных таким образом текстов в том, чтобы выявить разные типы процесса становления и развития конкретных личностей в конкретно-исторических условиях, разные типы разрешения жизненных противоречий. Между типами, выявленными в результате их сравнения друг с другом, может быть открыта внутренняя связь, характерная именно и только для данной структуры общества.

Нами было опрошены около 30 человек. О результатах анализа всех текстов и синтезе полученного материала говорить еще рано. Речь может идти пока лишь о некоторых предварительных размышлениях по поводу первых проанализированных текстов. При этом акцент сначала делается не на различии типов, а на их общности.

Прежде всего, никто из опрошенных не изображал "назло тоталитаристам" свою жизнь как сплошную беду, как историю мучения или угнетения своей личности. Опрошенные не рассматривали свою жизнь и как историю одних заблуждений и обмана, от которых сегодня надо решительно отказаться. Никто из них не сделал блестящей карьеры. Все подчеркивали "нормальность", "обыденность" своей жизни, не считая себя ни жертвами, ни героями. У всех еще до "перемены" 1989 года

появились определенные трещины в отношениях к данному обществу. Сама же "перемена" не оказалась общим и главным переломом в их жизни, не вызвав ни у кого из них ни глубокого жизненного кризиса, ни ощущения полной бесперспективности своего положения. Вместе с тем, ощущение личного выигрыша, связанного, скорее, не с материальной сферой, а с расширением возможностей выбора собственной дороги, простора развития, сочетается у большинства из них с чувством потери чего-то важного.

Все интервьюируемые настаивали на том, что они прожили в этой странной стране настоящую полную жизнь со своими счастьями и несчастьями, с большими и маленькими конфликтами, с успехами и неудачами.

Опрошенные росли в совершенно разных семьях. Их родители могли быть или участниками войны, или "детьми войны", или "послевоенными детьми". Среди самих интервьюируемых мы встречаем и дочь рабочих из маленького лужицкого городка, из "долины ничего не подозревающих", где невозможно было принимать западное телевидение, и дочь лейпцигского рабочего, ставшего антикоммунистом после неприятного столкновения с Советской Армией, который запрещал своим детям смотреть телевидение ГДР; дочь молодого рыбака, живущего в провинции и сына старого математика, живущего вблизи берлинской стены; сына аполитичного инженера, бывшего в советском плену, и сына преданной коммунистки когда-то активистки фашистской молодежной организации. При всем различии семейного воспитания, первых школьных лет, все-таки рассказы опрошенных, как ни странно, очень похожи друг на друга.

Почти у всех оба родителя работали, были очень заняты и поэтому вспоминаются как вечно не имевшие времени для детей, особенно матери. (В ГДР около 85% женщин работали. Сегодня их доля среди безработных чрезвычайно велика.) В связи с этим наблюдалась довольно ранняя передача ответственности.

У всех в детстве или в молодости вырабатывались определенные идеалы. В качестве идеалов называют социальную справедливость, равенство, самоосуществление, солидарность. Иногда об идеалах говорят довольно расплывчато, но тем не менее утверждают, что не утратили эти идеалы и по сей день.

Ни у кого не вспоминаются серьезные политические столкновения в семье или в школе. Они были воспитаны либо в духе аполитичной лояльности, либо активного участия в общественных делах, либо критической, но не враждебной к государству и обществу дистанцированности. ГДР уже воспринималась ими не как преходящее явление, а как установившееся, хотя и молодое, незрелое общество. В ГДР не было бурной конфронтации между поколениями подобно той, которая имела место в конце 60-х годов в ФРГ, где молодежь резко упрекала родительское поколение в сознательном сокрытии своего фашистского прошлого и боролась против авторитарного стиля воспитания, за политическую культуру, ревизию буржуазного законодательства и эмансипацию женщин. Родительское поколение в ГДР легитимировалось участием в строительстве нового, антифашистского общества.

Почти все они выбрали себе учебу по своему желанию. С одной стороны, в университетах и вузах (порой за границей) они расширяли свои горизонты в общении с другими студентами, преподавателями, занимаясь научными дисциплинами, и проверяли свои умения и способности. Нередко учеба ощущалась как подготовка к творческому содействию процессу формирования этого отнюдь еще не "созревшего" общества. Поэтому собственная жизнь ощущалась спроектированной в тесной связи с представлениями о будущем обществе.

С другой стороны, начинало вырабатываться насмешливое отношение к политическим ритуалам, студенты сталкивались с невыносимо поверхностной пропагандой, с тупой фразеологией эпохи "холодной" войны в такое время - в 70-е годы, когда уже пора было выработать более дифференцированную картину и западного мира, и отнюдь не "розового" мира ГДР. В связи с этим

возникали первые трещины в сознании, первые сомнения, релятивирование прежде некритически принятых утверждений. Это приводило к разным последствиям: одни дистанцировались от политики, ограничиваясь решением своих частных проблем, другие же вступали в партию, считая, что действительно изменить что-либо можно только изнутри партии, и не желая уступить поле деятельности дуракам.

Со вступлением в профессиональную жизнь в 80-е годы нарастали конфликтные ситуации, которые характеризовались опрошенными в самом общем виде:

- проблема фетишизации власти. Любая, даже незначительная проблема (например, малейшее кадровое решение на уровне предприятия или даже отдела) подавалась как значительное политическое событие;

предпочтение "политической верности" деловой компетентности. Полное смешение политических, моральных, деловых и профессиональных вопросов. За деловую критику могли упрекнуть в политической незрелости, а за политические сомнения в деловой некомпетентности или сомнительной морали.

отсутствие механизма разрешения общественных противоречий там, где они возникали, теми, кто их мог бы компетентно решать. Таким образом, реальные противоречия оставались скрытыми, они не могли открыто развиваться и разрешаться. Вследствие этого они скорее выступали как препятствие, а не как источник развития. Это вело также к тому, что свои противоречия люди должны были разрешать наедине с собой (чему способствовала и протестантская традиция), что вело к их постоянной перегруженности. Это создавало, в частности, напряженность и в семейных отношениях, о чем говорит высокое число разводов в бывшей ГДР.

- не было механизма, учитывавшего разные социальные интересы как в обществе, так и в партии. (Принятое в конкретно-исторической обстановке решение о запрете образования партийных фракций неизменно переносилось во все компартии.) В результате не было

возможности горизонтального общения по поводу назревающего кризиса, а также эффективного механизма проверки государственной, политической властей.

Все эти существенные, на наш взгляд, структурные недостатки общества способствовали тому, что события в ГДР осенью 1989 года приобрели неожиданный для всех характер. Непредвиденный многими ход событий объясняется следующим образом. С одной стороны, неготовность широких слоев и впредь любой ценой поддерживать систему, явно не способную к самокритике и самокорректированию, с другой стороны, незрелость теоретической подготовки, политических программ, а главное - отсутствие общественной дискуссии о выходе из кризисной ситуации, привели к патовому положению, при котором власть "лежала на улице" и могла быть взята теми, кто и обладает ею сегодня.

В заключение хотелось бы отметить, что исследование жизненных процессов отдельных индивидов не может быть самоцелью, а представляет собой материал для анализа вопроса о внутренних границах и противоречиях ранней формы социализма, о его неспособности диалектически снять капитализм, не только в той форме, какая была в начале процесса развития социализма, но и в его современной форме. Современный же капитализм смог до сих пор (при всех деструктивных тенденциях) сохранить способность к развитию не столько в силу своего капиталистического характера, сколько в силу современных структурных потенций, которые возникли, скорее всего, из процессов частичного снятия капиталом самого себя¹.

Эти процессы отчасти изучаются и в рамках парадигмы "современного общества". Думается, что нужно развивать теорию в полемике с высшими формами самокритики капиталистического общества. Такие формы существуют, их надо искать и их необходимо изучать, чтобы не впасть в сектантство и коммунистическое

---

¹ Эта точка зрения представляется дискуссионной. См. предисловие к сборнику "От составителя" - Прим. ред.

высокомерие. Это было бы смертельно и для теории, и для научной школы.

О.А.Ефанова
(Тула)

ВЛИЯНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА НА ПРОГРАММЫ ЛЕВЫХ ПАРТИЙ

Сегодня, в переживаемый нашей страной и всем человечеством сложный, трагический период, становится все более очевидным, что теоретические представления об обществе и его развитии имеют отнюдь не академический интерес. От уровня данных представлений во многом зависит характер деятельности прогрессивных, революционных сил, эффективность избираемых ими путей и способов борьбы. В справедливости данного положения нетрудно убедиться, обратившись к программам партий коммунистической и социалистической ориентации.

Анализ указанных программ поможет также выявить, насколько обосновано достаточно широко распространенное представление о необходимости теоретического и организационного единства всех левых сил. Подробный анализ данных программ трудно осуществить в рамках небольшой статьи, поэтому остановимся на узловых пунктах, в которых наиболее отчетливо проявляется уровень представлений о перспективах развития общества и его ближайших целях, о соотношении этих двух компонентов.

Прежде всего следует остановиться на характеристике современного этапа развития общества и анализе причин его нынешнего состояния, так как из понимания указанных вопросов непосредственно вытекает представление о ближайших и отдаленных целях, стоящих перед левыми партиями. От этого во многом зависит также успех деятельности по реализации данных целей. Из всего имею-